

Заглавие статьи	По поводу "сверхпредельности": соображения и вопросы
Автор(ы)	Б. Ю. СУБИЧУС
Источник	Латинская Америка, № 1, Январь 2009, С. 91-97
Рубрика	• РАЗМЫШЛЯЯ О ПРОЧИТАННОМ
Место издания	Москва, Российская Федерация
Объем	22.5 Kbytes
Количество слов	2846
Постоянный адрес статьи	http://dlib.eastview.com/browse/doc/19629682

По поводу "сверхпредельности": соображения и вопросы

Автор: Б. Ю. СУБИЧУС

Юрий Гирин. Поэтика сверхпредельности. К интерпретации художественных процессов латиноамериканской культуры. С.-Пб., "Алетейя", 2008, 216 с.

Рецензируемая книга подводит итог многолетней деятельности известного российского латиноамериканиста, содержит оригинальную концепцию своеобразия латиноамериканской культуры. Автор опирается на широчайший круг знаний в сфере гуманитарных наук, включая новейшие разработки. Большое внимание уделено проблеме местоположения и призвания Латинской Америки в контексте мировой культуры.

Ключевые слова: поэтика, культура, сверхпредельность, самореализация, бытие, Восток, Запад.

Название этой книги настраивает читателя на совершенно определенный лад и пробуждает целую гамму ассоциаций и воспоминаний, которыми не следует пренебрегать в данной рецензии, поскольку они могут помочь лучше понять автора и его замысел. Термин "поэтика", в недавнем прошлом (1970 - 1980-е гг.) столь популярный в отечественном литературоведении, а к нашему времени несколько подзабытый, при всей своей многозначности (обусловленной его древностью) и подчас, особенно и именно в период своей недавней популярности, весьма расплывчатый, тем не менее, когда речь идет об относительно или буквально современных авторах, период формирования которых приходится на это "недавнепрошедшее" время, однозначно указывает на одно бесспорное обстоятельство: перед нами исследователь, настроенный на сугубо теоретическое рассмотрение предмета изучения и/или склонный к самым широким обобщениям культурно-исторического и философского характера; доходящая порой до полной неопределенности размытость этого термина в том и проявлялась, что он использовался практически в необъятном диапазоне возможностей: от решения узко технических задач художественного творчества до обращения к религиозной проблематике. Конечно, этот феномен был обусловлен внутренней логикой развития науки, но у него были и другие, внешние, общекультурные и даже политические причины: термин "поэтика" воспринимался многими в то время как знак противостояния, духовной оппозиции официальной науке с ее пресным академизмом и вынужденной или доброхотной приверженностью обрыдлой "идеологии"; "поэтика" означала истинную, серьезную науку, чуждую конъюнктурным спекуляциям. Высшие, классические образцы такого рода науки дали корифеи отечественного литературоведения М. М. Бахтин, Д. С. Лихачев,

А. А. Аверинцев, М. М. Лотман (в наследии каждого из которых, кстати, есть труд с названием, включающим слово "поэтика"). Разумеется, достижениями этих великих ученых не исчерпывается все то лучшее, что было создано в указанный период в сфере гуманитарного знания в СССР. Под их несомненным влиянием, однако, в первую очередь, ориентируясь на них как на образцы не только высочайшего профессионализма, но и достойного гражданского поведения, в стране сформировалось целое поколение исследователей, воспринимавших себя одновременно в качестве и обновителей, и, вслед за своими кумирами, продолжателей высокой, насильственно прерванной традиции отечественной гуманитарной мысли.

Представителями этого поколения были выработаны особый метод и стиль научной деятельности: они обращались к новым, неизведанным темам, ставили (подчас под прикрытием все того же термина "поэтика") проблемы, лежащие далеко вне русла официальной науки, апеллировали к совершенно немарксистским источникам и авторитетам; некоторыми из этих ученых, не без влияния фактора полемики, была разработана и усиленно культивировалась особая манера изложения, которую можно определить как "интеллектуалистская", предполагающая демонстративное проявление обширной профессиональной и общекультурной эрудиции автора и повышенную плотность и тяжеловесность письма с целью создания эффекта напряженной работы интеллектуальной мысли, что, следует признать, иногда оставляло впечатление эклектики и маньеризма. Но несмотря на все издержки, вклад этого поколения в науку был в высшей степени плодотворным. Именно к этой, очерченной выше, линии развития научного творчества, причем, в ее "интеллектуалистском" изводе, и принадлежит Ю. Н. Гирин, отчетливо противостоящий своей склонностью к изощренно-усложненному способу мышления и речи теперь уже не примитивизму идеологического официоза былых времен, а современной нарастающей облегченной™ во всех сферах культуры и жизни.

Вместе с тем, в силу своей хронологической маркированности, особой привязанности к определенному периоду истории термин "поэтика" в названии данной книги вызывает еще одно соображение: по всей видимости, замысел создать всеобъемлющую концепцию латиноамериканской культуры, представленную к книге, возник в сознании автора в то время, когда тот термин с его акцентированием концептуально-теоретического начала был столь популярен в литературоведческой среде, что не могло не повлиять на молодого, начинающего тогда ученого; произошло это примерно 30 лет тому назад. Все эти годы Ю. Н. Гирин шел к намеченной цели. Сегодня перед нами реализация - заметим сразу, основательная и впечатляющая - его замысла. В наш постмодернистский век с его "эпистемологической неуверенностью" и "ослабленным мышлением" Ю. Н. Гирин создает очередную и, по всей видимости, последнюю на долгие годы вперед "большую идею" о Латинской Америке. Все

это само по себе достойно внимания. Но если учитывать специфику времени, прошедшего с тех пор, глубочайшие потрясения, пережитые страной, наукой (гуманитарной, наверное, особенно) и далеко не всегда способствовавшие спокойной, сосредоточенной научной работе (хотя, с другой стороны, это было время свободы, открывшей новые широкие перспективы перед учеными, чем не приминул успешно воспользоваться Ю. Н. Гирин), то нельзя, принимая все это в расчет, не отдать

должное упорству и целеустремленности нашего автора и его способности к столь полной индивидуально-творческой самореализации.

Работа Ю. Н. Гирина состоит из введения, послесловия и главного раздела, включающего три части (плюс сугубо технические указатель имен и резюме на испанском языке). Это формальное деление книги. Вместе с тем, в ней можно выделить два тесно взаимодействующих и постоянно перекликающихся между собой, но достаточно самостоятельных пласта: "теорию" - предмет главного внимания автора (введение, послесловие и, особенно, конечно, третья часть основного раздела - "Онтологические концепты латиноамериканской культуры") и "историю" (две первые части: "Автор и текст культуры" и "Процессы культурообразования"). При этом исторический пласт тематически оформляется, подчиняясь принципу "от частного к общему", т.е. от творчества отдельных авторов в первой части (Х. Марти, Н. Гильен, Х. Лесама Лима, С. Вальехо, П. Неруда, Х. Х. Арреола, колумбийские поэты XX в. и Г. Гарсиа Маркес) к культурно-историческим явлениям общерегионального масштаба в части второй (испаноамериканский модернизм, авангардизм в Латинской Америке с особым выделением его бразильского варианта - "модернизма" и латиноамериканский карнавал). В основу исторических частей положены работы, ранее опубликованные автором, которые, однако, подверглись в данном случае существенной переработке и корректировке в соответствии с концептуально-теоретическим замыслом книги.

Вся эта композиция - в единстве двух своих аспектов: сугубо формального и содержательного - выглядит тщательно продуманной и в итоге оправданной. Тезисно намеченные основные положения авторской концепции (наряду с формулированием задач), содержащиеся во введении, используются затем (две первые части главного раздела) для выявления отдельных признаков изучаемого предмета (культура Латинской Америки) путем анализа, что называется, "конкретных примеров", с тем, чтобы в кульминационной точке изложения (часть III основного раздела) свести эти признаки в единстве высшего уровня теоретического обобщения, которое резюмируется в послесловии. Эта вполне традиционная академическая структура научного труда сочетается с тяготением к жанру "эссе" (так и в самой книге обозначаются отдельные ее части), с характерным для него использованием приемов художественно-образной речи и непосредственностью тона в общении с читателем.

Автор, судя по всему, не принадлежит к породе "быстрых разумом" (впрочем, к особой резвости мысли не располагает и сложность поставленных здесь задач). Первичные интуиции автора должны пройти долгий и тяжелый путь вызревания, прежде чем они предстанут в виде законченных формулировок. На этом пути мысль Ю. Н. Гирина в поисках опоры и самообоснования обращается к широчайшему и разнообразнейшему кругу знаний: истории и теории литературы, искусствознанию, лингвистике, философии, культурологии различных времен и регионов и даже астрологии; автор постоянно и настойчиво перебирает множество научных терминов самого различного происхождения, ибо термин для него, как представляется, - это не только сгусток смысла, но и острый шип, "пришпоривающий" работу интеллекта; авторская мысль оттачивается и шлифуется в полемике с коллегами и неустанно поверяет себя обилием кон-

кретных факторов - литературно-исторических, прежде всего, но также взятых из самых разных областей человеческой деятельности. И все это - в соответствии с

главной, высшей целью исследователя, которая заключается в создании концепции культуры в самом широком, шпенглеровском, смысле слова, что в пределе означает построение своего рода общей теории всей латиноамериканской жизни, или бытия, если воспользоваться одним из излюбленных терминов автора.

Читать Ю. Н. Гирина интересно и поучительно, но это занятие не из легких. Читатель должен пройти свой непростой путь, щедро усеянный препятствиями и отвлекающими моментами в виде апелляций к разнородным и подчас диссонирующим между собой источникам, парафразирования некоторых общих мест латиноамериканистики, неуместных в данном контексте или не всегда корректно использованных терминов; не все неологизмы автора можно признать удачными; стиль изложения местами громоздок и не вполне удобоварим (при том, что на протяжении всей книги автор неоднократно проявляет себя как незаурядный исследователь - знаток вопроса и мастер литературоведческого и культурологического анализа). Но вот, когда читатель, преодолев все "тернии", восходит к "звездам" - к той констелляции выводов и понятий, которые образуют концепцию Ю. Н. Гирина, все становится на свое место. Перед нами - оригинальное, глубокое и законченное теоретическое построение, небесспорное и часто побуждающее к полемике, но, безусловно, заслуживающее самого серьезного к себе отношения.

В своих самых общих чертах и при достаточно осторожном (в виду ее сложности) описании эта концепция выглядит следующим образом. Специфика латиноамериканской культуры была predetermined самим фактом и особенностями события, которое, собственно, положило начало Латинской Америке, - открытием Нового Света Колумбом и его сподвижниками, точнее, дело даже не в том событии, а в том, что ему непосредственно предшествовало: в морском плавании первооткрывателей из Европы в будущую Америку. Пребывание на корабле в течение длительного времени означало для путешественников разрыв с родной этнической и культурной почвой во всей совокупности ее смыслов, идеалов, ценностей, норм и т.п. Отсюда - ситуация некоей экзистенциальной пустоты, этнокультурной неопределенности, в которой оказались эти протолатино-американцы. В дальнейшем, уже в самой Латинской Америке, в новом и совершенно не похожем на Европу мире и в силу целого ряда других обстоятельств (подробно рассмотренных автором) ни они сами, ни их потомки так и не сумели преодолеть эту ситуацию. С другой стороны, в своем дерзком и грандиозном предприятии они бросили вызов господствовавшему в то время представлению о границах ойкумены, и эта устремленность к преодолению границ, к запредельному также стала частью сознания уже собственно латиноамериканцев.

Пустота, вызывающая комплекс неудовлетворенности, и граница, по ту сторону которой предполагается обрести чаемую полноту самосуществования, - все это и составляет, по Ю. Н. Гирину, основу своеобразия латиноамериканской культуры на всем протяжении ее истории, от зарождения до наших дней. При том понятии пустота, с одной стороны, имеет здесь сугубо негативный смысл - как обозначение отсутствия чего-то субстанциально важного, а именно, собственной этнокультурной определенности, но вместе с тем, это понятие истолковывается в духе "восточной" философии (по всей видимости, буддизма) в позитивном ключе: пустота как потенциальная возможность присутствия неисчислимого множества и разнообразия явлений. Что касается понятия границы, то оно лишено у Ю. Н. Гирина какого бы то ни было конкретно-физического - временного или пространственного - содержания; поэтому бессмысленно задавать Ю. Н. Гирину вопрос, вполне оправданный в

отношении других авторов, создателей более "реалистических" концепций пограничности латиноамериканской культуры, с кем, собственно, с какими другими культурами она граничит в пространстве (или во времени); для автора "граница" - это то, что очерчивает латиноамериканскую культуру как некое метафизическое тело в ее актуальном состоянии неаутентичности и несамоадекватности и что, будучи преодоленным, открыло бы перед той культурой перспективу обретения ею своего подлинного "я".

Задаче превращения указанной возможности в реальность соответствует определенная поэтика, т.е. набор наиболее общих принципов и методов обработки в процессе творчества наличного жизненного и культурного материала; причем, второе (культурный фактор) имеет, с точки зрения Ю. Н. Гирина, особое значение для поэтики латиноамериканцев по причине их постоянной озабоченности выяснением отношений с генетически им родственной, но воспринимаемой ими как нечто чуждое, несоответствующее их природе (это, опять-таки, мнение автора) культурой Запада. В состав латиноамериканской поэтики входят, по Ю. Н. Гирину, прежде всего: парафраз, травестия, пастиш, ремейк, игровая манипуляция, и все это - в отношении западной культуры. Перечисленные слова - отнюдь не синонимы, и Ю. Н. Гирин, по-видимому, вполне осознает данное обстоятельство (хотя бы уже потому, что обычно, и совершенно справедливо, распределяет их по разным историческим эпохам). Но вместе с тем, он иногда выстраивает из них некое подобие синонимического ряда, и мысль его понятна: он хочет подчеркнуть тем самым то общее, что объединяет эти лексемы, - идею некоторой отстраненности по отношению к объекту, который подвергается воспроизведению-трансформации соответственно специфике всех вышеназванных поэто-логических приемов. Подобная позиция позволяет переосмыслить, перетолковать оригинал как идейно-эстетическое целое и наряду с этим открывает возможность, именно в силу определенной дистанцированности от него, подвергнуть достаточно вольному "перевиранию", просматриванию, опробированию, примерке на себя составляющих его элементов, чем, согласно Ю. Н. Гирину, интенсивно и на протяжении всей своей истории занимается относительно западной культурной традиции латиноамериканская культура в поисках все той же собственной сущности.

Возникает, однако, вопрос: можно ли в ходе подобной процедуры, сколь интенсивной и долгой она бы ни была, перебирая западные идеи, концепции, образы, сюжеты и т.д., обнаружить что-либо иное, кроме сугубо западных же смыслов (если не считать, конечно, общечеловеческие ценности, но не об этом здесь речь)? Или все-таки на этом пути открывается нечто близкое, родственное латиноамериканцам во всей их региональной специфичности, почему они столь упорно ведут свои поиски именно в западном направлении? Последний вариант Ю. Н. Гириным, естественно, отклоняется, но он в полной мере отдает себе отчет в возможности и обоснованности прозвучавших только что вопросов и сам отвечает на них: в своем нынешнем состоянии, на том пути, которым она следовала до сих пор, латиноамериканская культура не способна достичь желаемой цели - выйти за пределы самой себя и найти свою сущность. Так где же выход (и в чем, кстати, может заключаться или проявляется сегодня хотя бы в виде намека, проблеска, симптома искомая сущность)? Об этом в книге ничего не сказано.

В своей работе Ю. Н. Гирин учитывает широчайший круг мнений по поводу проблемы своеобразия латиноамериканской культуры. С некоторыми из них он полемизирует,

иные использует для подтверждения своих идей. Но ни с одним из предшественников (за исключением, пожалуй, М. К. Мамардашвили, также считавшего латиноамериканскую культуру "пустотной", лишенной оригинального субстанциального содержания) он не солидаризируется полно-

стр. 95

стью. Прежде всего это касается убежденности в том, что если на сегодняшний день положение данной культуры нельзя признать удовлетворительным в смысле аутентичности и полноты самопроявления, то все же ее ожидает великое будущее. Основанную на этом положении едва ли не доминирующую тенденцию латиноамериканистики Ю. Н. Гирин лишает присущего ей провиденциального, историко-оптимистического пафоса. Никаких определенных, пусть даже выглядящих сегодня утопическими (социальных, политических, религиозных, культурно-психологических, психоделических и т.д.) возможностей преобразования латиноамериканской культуры Ю. Н. Гирин не видит. Остается только смутная надежда на то, что "пустота" жаждет и может когда-нибудь и каким-то таинственным образом оказаться насыщенной.

Многое в концепции Ю. Н. Гирина выглядело бы иначе (хотя тогда, следует признать, это была бы уже, наверное, другая концепция, и тем не менее...), если бы не одно обстоятельство, вызывающее, пожалуй, самый важный вопрос: нет ли здесь преувеличения степени своеобразия латиноамериканской культуры относительно культуры Запада, не наблюдается ли в данном случае то, что можно назвать "переходом количества в качество"? Естественные и реальные, но всего лишь "количественные" (т.е. более или менее ярко проявившиеся по сравнению с Западом) отличительные признаки объекта исследования, в выявлении и описании которых автор столь часто демонстрирует виртуозное мастерство, возводятся им в некий абсолют, на уровень "количественного" отличия, сугубой оригинальности. Ведь то, что Ю. Н. Гирин считает важнейшими специфически латиноамериканскими чертами, в действительности присущи всей культуре Запада Нового времени: будь-то обостренная жажда самоидентификации, или "преобладание атрибутивности над субстанциальностью", или та же "пустота", неуклонно расширяющая свои границы в западной культуре последних двух веков ("пустоты души и духа" - Г. Шенгели; сказано вовсе не латиноамериканцем и отнюдь не в связи с Латинской Америкой).

И, наконец, по поводу "сверхпредельности". Думается, что этот термин вряд ли корректен в том смысле, в котором он используется в книге. Насколько известно, приставка "сверх" в сочетании с существительным, обозначающим свойство предмета, образует слово, выражающее высшую, максимальную меру проявления данного свойства ("сверхплотность", "сверхпрочность", "сверхпроводимость" и т.п.). Таким образом, "сверхпредельность" означает особенно высокую степень концентрации некоего свойства "предельности", а вовсе не то, что имеется в виду в книге Ю. Н. Гирин, т.е. "запредельность", подобно испанскому "mas alia de" ("за", "по ту сторону"; букв.: "более-/чем-/там") или латинскому "plus ultra" ("более-чем-за", "еще дальше", "по ту сторону"; оба эти термина, кстати, хорошо известны автору и часто им употребляются). Причину предпочтения, оказанного Ю. Н. Гириним термину "сверхпредельность", можно понять: он хотел, за счет фонетической плотности, тяжеловесности, обусловленных сочетанием и преобладанием согласных в приставке "сверх" (это не то, что двучастное, открытое, эфемерное "за") наделить особой весомостью, значительностью столь важное для него, центральное в его концепции (не зря оно вынесено в название книги) понятие, что выражает вообще присущую Ю. Н.

Гирину склонность к приданию монументальной солидности, основательности своей мысли - как неприятие интеллектуальной легковесности и поверхностности.

А между тем, термин "сверхпредельность" вполне применим - только в своем вышеозначенном, истинном смысле - в контексте размышлений о специфике латиноамериканской культуры. Тогда он будет означать, что ее призвание, судьба, своеобразие ("инаковость", по Ю. Н. Гирину) состоит (и это, как представляется, соответствует действительности) в особой, "сверхпредельной" выраженности тех или иных признаков и тенденций всей западной культуры, как это неред-

стр. 96

ко бывает в культурах окраинного типа, расположенных на периферии "большой" культурно-исторической общности (в нашем случае: Латинская Америка и Запад). К этому типу, кстати, относится и Россия, что четко осознается Ю. Н. Гириним и наглядно им демонстрируется в изящном эссе "Бразильский модернизм как зеркало русской революции" (подобные сопоставления стали весьма частыми в последнее время и против этого нечего возразить, разве что, следует напомнить о необходимости соблюдать на этом пути чувство меры, принимать во внимание существенные различия между культурами Латинской Америки и России в происхождении, возрасте, реальных достижениях и вкладе в мировую культуру).

При чтении рецензируемой работы возникает целая гамма постоянно сменяющих одна другую, перемежающихся реакций: восхищения, восторга, зависти, недоумения, несогласия. Тонко отточенный карандаш в руке читателя мечется по страницам книги, оставляя обильные следы, среди которых вопросительных знаков едва ли не столько же, сколько восклицательных. Но это - вопросы продуктивные, они стимулируют работу мысли, заставляют думать, побуждают к полемике, необходимой для развития науки. Важно только, чтобы оппонент Ю. Н. Гирин находился на том же уровне владения материалом и профессионализма, что и автор. Книгу Ю. Н. Гирин следует прочесть всем, кто интересуется проблемами культуры. Польза от такого чтения с лихвой окупит затраченные при этом усилия.

стр. 97

постоянный адрес статьи: <http://dlib.eastview.com/browse/doc/19629682>